
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
THEORY AND METHODOLOGY

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПСИХОЛОГИИ: ДВИЖЕНИЕ К АДАПТАЦИИ В ДУХЕ ПОЗИТИВИЗМА ИЛИ К РАЗВИТИЮ?

Н.С. БУРЛАКОВА*,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, naburlakova@yandex.ru

В.И. ОЛЕШКЕВИЧ**,

Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков
имени Г.Е. Сухаревой, Москва, Россия, ov-6161@mail.ru

Представлен критический анализ применения феноменологического метода в зарубежной психологии. Рассмотрены распространенные заблуждения

Для цитаты:

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Феноменологический метод в психологии: движение к адаптации в духе позитивизма или к развитию? // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 1. С. 8—27. doi: 10.17759/cpp.2017250102

* *Бурлакова Наталья Семеновна*, кандидат психологических наук, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, naburlakova@yandex.ru

** *Олешкевич Валерий Иванович*, кандидат философских наук, клинический психолог высшей категории, Научно-практический центр психического здоровья детей и подростков имени Г.Е. Сухаревой, Москва, Россия, ov-6161@mail.ru

в понимании феноменологического метода. Делается ряд уточнений в отношении сущности метода, его задач. Обоснована необходимость самостоятельного изучения истории феноменологического метода и дальнейшей разработки его методологии. В дискуссии со взглядами одного из известных современных исследователей М. Ларкина (M. Larkin), использующего феноменологический метод в области клинической психологии, подняты вопросы повышения качества феноменологического исследования, способов получения данных, областей применения феноменологического метода и его результатов, позиции исследователя. Представлены основные положения собственного подхода к феноменологическому исследованию с опорой на исследования, ранее осуществленные авторами. Данный подход предполагает включение диалогической онтологии самосознания и методологии диалога в организацию феноменологического исследования. С нашей точки зрения, такой подход позволяет инкорпорировать и переосмыслить многообразный исторический опыт феноменологических исследований.

Ключевые слова: феноменологический метод в психологии, качественные исследования, внутренний опыт, позиция исследователя.

Введение

В современной психологии все чаще обращаются к качественным методам, интерес к которым деятельно проявлен и в отечественной науке [3; 12; 16 и др.]. Сторонниками качественной логики исследования и соответствующих методов активно проблематизируется дедуктивно-номологический позитивистский научный дискурс. Дискуссии ученых — приверженцев холистически-феноменологической парадигмы с исследователями, основывающимися на различных вариациях позитивистской методологии, с новой силой проявляются и в области психического здоровья и патологии, клинической психологии [2; 8; 11; 15; 19; 24].

Одним из базовых методов, относимых к разряду качественных, является феноменологический метод, имеющий различные вариации. В клинической психологии феноменологические исследования имеют глубокие корни. Достаточно вспомнить работы К. Ясперса, Э. Блейлера, З. Фрейда, К.Г. Юнга, Л. Бинсвангера и др. Востребованность и актуальность феноменологического метода демонстрируют и последние руководства по качественным исследованиям в клинической психологии [24]. Однако обращаясь к современным источникам, где обсуждается феноменологический метод, нетрудно заметить разноречивое толкование того, что он собой представляет, какие цели преследует и как необходимо его осуществлять [4; 10; 17; 22; 23]. Нам приходилось сталкиваться с тем, что этот метод называется как бы через запятую со многими

другими, что называется, «среди прочих». Неявно феноменологический метод ставится тем самым в положение вспомогательности, что обманчиво порождает впечатление облегченности освоения, доступности применения для каждого и т. п. В действительности, освоение феноменологического метода, напротив, длительно и постепенно и начинается с того, что исследователь должен четко уяснить сущность этого метода. Цель данной статьи состоит в прояснении сути того, что можно называть феноменологическим методом в психологии. Для реализации этой задачи мы делаем ряд предварительных уточнений, а затем вступаем в дискуссию со взглядами одного из известных современных исследователей М. Ларкина (M. Larkin), использующего феноменологический метод в области клинической психологии [22]. На основе этого обсуждения формулируется понимание сути феноменологического метода с опорой на ранее осуществленные собственные клинико-психологические исследования.

Вопросы, на которые отвечает феноменологический метод

В клинической психологии о феноменах говорят в нескольких смыслах. Во-первых, это может быть указанием на какое-то исключительное, редкое явление (например, случай Шерешевского, описанный А.Р. Лурия в «Маленькой книжке о большой памяти», можно назвать феноменом Шерешевского). Часто в этом же смысле слово «феномен» употребляется и применительно к психопатологическим симптомам — например, говорят о феномене бреда или феномене зрительной галлюцинации. Во-вторых, феномен — это плод наблюдений исследователя за какими-либо проявлениями поведения, реагирования, мышления, переживания и его особой интерпретации, в которой имплицитно содержится еще и некоторое толкование данного феномена. Примерами могут являться феномен разноплановости мышления или же стигматизации психически больных и прочее. В-третьих, речь о феноменологии идет также тогда, когда обращаются к особой палитре переживаний пациента, например, при депрессивном расстройстве или каком-либо ином виде психической патологии, к данным самоотчета пациента о своем самочувствии, испытываемых эмоциональных состояниях и т. п. Тем самым указывается на особую связь страдающего человека со своим страданием. Исследователь же пытается уяснить, как то или иное страдание представлено для самого страдающего, в его внутреннем мире, особых переживаниях, ухватить те смыслы, которые инициируют и сопровождают данное страдание. Обычно это предполагает не только вслушивание в то, что говорит больной, но и тонкое наблюдение за тем,

как он это делает. Работа в этом ключе предполагает соответствующее умение наблюдать феномены (представленные на уровне поведения и/или переживания, оформленного в речи) и соотносить их между собой.

Эти представления следует отличать от феноменологического метода и от того направления исследований, которые называются феноменологическими. Прежде, чем начнется обсуждение собственно метода, сделаем несколько предварительных замечаний. Первое касается распространенного заблуждения, что феноменологический метод в психологии представляет собой применение некоторых философских идей. Рассуждают примерно так: в философии есть умозрительные идеи, а феноменологический метод в психологии представляет собой некоторое прикладное их использование, или адаптацию, соответственно, дополнительно может обсуждаться необходимость промежуточных концепций «среднего звена или уровня». Это распространенная точка зрения позитивистского характера. Вместе с тем такое понимание феноменологии и феноменологического метода кажется ограниченным. Действительно, если приходится говорить о применении психоаналитического метода к какой-либо из областей культуры (например, к искусству или литературе), то речь все же идет об использовании того же самого метода анализа, но развернутого в новой предметной области. Метод остается идентичным. В отношении феноменологии верно аналогичное утверждение: она дает метод (при условии верного его понимания и последовательной наработки определенных навыков), который можно использовать практически в любой области и без каких-либо промежуточных теорий. Феноменологический метод не требует теорий, более того, он противостоит теоретическому мышлению, поскольку теория представляет собой рациональную обработку и объективацию феноменов. В связи со сказанным феноменология может осуществлять критическую рефлексию той или иной теории, показывая ее недостаточность. Как, например, это сделал М. Хайдеггер, продемонстрировав ограниченность теории З. Фрейда (Цолликоновские семинары) [18].

Неточным является также представление, что «практические применения феноменологической философии» в психологии дело рук не непосредственных создателей феноменологии — Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти, П. Рикера, но собственно психологов [22, р. 155]. Однако это не так. Специальные работы по психологии есть у Э. Гуссерля («Амстердамские доклады») [9], М. Хайдеггера (Цолликоновские семинары) [18] и М. Мерло-Понти [13]. Причем Э. Гуссерль излагает целую методологию феноменологической психологии [9]. Многие же работы П. Рикера и вовсе научно ориентированы, в них используются методические достижения структурализма, психоанализа, феноменологии, семиотики и языкознания, а также других дисциплин [14]. Но са-

мое главное, что феноменологический метод не является «оторванным от жизни», как представляется некоторым авторам, придерживающимся позитивистской точки зрения. Он как раз предельно конкретен и ориентирован на максимальную детализацию и углубление понимания.

Есть и иные линии влияния феноменологии на психологию. Так, некоторые авторы рассматривают создание теста Роршаха и изначальные подходы к анализу получаемых в нем данных как попытку развить идеи Э. Гуссерля [20], или видят влияние феноменологии на другие области экспериментальной психологии [23]. Отметим, в свою очередь, что влияние феноменологии на психологию было непростым. Позитивистски ориентированные психологи пытались избежать понимания того, что такое феноменология, в силу казавшейся им отстраненности от практических задач, высоких требований к образованию исследователя и длительной тренировки навыков осуществления такого типа исследований. И хотя, например, гештальт-психологи и ориентировались на феноменологию, но видели ее преимущественно натуралистически, что вызвало резкую критику Э. Гуссерля, выступившего против данной позиции («Амстердамские доклады»).

С чего начинается феноменология?

Второе замечание касается «двух центральных вопросов», ответы на которые будут направлять феноменологическое исследование. Майкл Ларкин (*M. Larkin*) — автор соответствующей главы в монографии, посвященной качественным методам в клинической психологии (*Qualitative research in Clinical and Health Psychology, 2015*) [24] — формулирует эти вопросы следующим образом: 1) «на что это похоже?»; 2) «как можно найти в этом смысл?» [22, p. 155]. Отметим, в свою очередь, что так формулируемый первый вопрос вызывает ассоциации с новейшей психотерапией и иными способами объективации данных сознания. Вопрос «на что это похоже?» предполагает сравнение с чем-то, что уже являет собой объективацию и рационализацию данных сознания. Феноменология же, напротив, задается вопросом о том, как нечто есть и как это нечто дано нам? Как видим, при такой формулировке вопроса уходит какое-либо сравнение и вообще размышление, которые объективировали бы непосредственно данные содержания. Второй вопрос, о котором пишет Ларкин, «как можно найти в этом смысл?», также не феноменологичен. В его формулировке предполагается, что есть некоторое содержание мышления, содержание сознания, которые мы берем за основу и в отношении которого задается вопрос: какой смысл в этом можно найти? Предполагается, что смысл может быть разным.

Здесь же привносится тема экспертов — ведь один человек может видеть смысл в одном, а другой — в ином. Если заменить слово «смысл» на «переживание» (в некоторых работах по феноменологической психологии вопрос формулируется так: как можно переживать это?), то тем самым возникнет ассоциация с философией жизни, которая изначально феноменологический метод не предполагала и которая, с точки зрения феноменологии, достаточно синкретична и методически недостаточно отрефлексирована.

Верно же поставленный с точки зрения феноменологии вопрос звучал бы, например, следующим образом: *«Как устроено эмпирическое “живое” Я (или Эго), которое порождает, иницирует говорение, “производит” конкретное высказывание? Или как устроен субъект, который иницирует и переживает такие чувственные потоки?»*. Феноменологический подход, во-первых, предполагает феноменологическую редукцию и, во-вторых, постепенный переход от предметных структур к структурам мышления и структурам субъекта, что дает возможность проникнуть в реальную динамику Я, которое «живет» и «играет», уловить динамику и структуры этого процесса.

Проблема понимания опыта и его получения.

Есть ли в феноменологическом методе место интерпретации?

Современные приверженцы феноменологической психологии отмечают, что это довольно широкое поле [16; 21], имеющее при всем его разнообразии общее звено, а именно интерес «...к пониманию переживаний, интерес к еще чьему-то опыту, кроме своего собственного, который выступает источником или последующей рефлексии, или интерпретации» [22, р. 156]. Речь идет о получении данных опыта с целью их последующей или рефлексии, или интерпретации. Причем опыт берется как нечто самоочевидное, что означает обычно совокупность ответов в формате интервью. Но опыт важно понимать как нечто самостоятельное, более или менее цельное; он имеет свои источники, происхождение и свою историю, социально-историческое место своего образования. Наконец, опыт всегда диалогичен. Это всегда опыт общения и коммуникации. В вышеприведенной же цитате и соответствующем восприятии феноменологического метода речь идет в лучшем случае о некотором рефлексивном срезе этого опыта, а не об опыте как о чем-то целостном и самодостаточном. Далее, мысль о том, что феноменологические исследования отличает интерес к еще какому-то опыту, кроме своего собственного, означает, что свой опыт мы уже понимаем и у нас возникает интерес к опыту кого-то еще. Но здесь и явно, и неявно осуществляется некоторая предметиза-

ция опыта, сведение его к некоторым типам предметностей, по аналогии с журналистским подходом, который выявляет различные мнения респондентов по какому-то вопросу. Возникают также и другие проблемы: можно ли понимать опыт Другого, минуя свой опыт и т. д. Так, согласно М.М. Бахтину, человеческий опыт непосредственно связан с речью и речевым общением и поэтому имеет диалогическую структуру. А эта структура, в свою очередь, развертывается и развивается в контексте диалогов «своего» и «чужого» слова [1]. Это означает, что «чужой» опыт можно понять только на основе «своего» собственного, на основе «своего» слова. Верно и обратное, «свое» также вольно или невольно понимается через «чужое», в контексте «чужого». Так что эти два полюса самосознания феноменологически непосредственно и неразрывно связаны, и всякие разрывы между ними или абстрактное выделение какого-то из этих аспектов должны быть специально методологически обоснованы.

Обращение к данным интервью и высказываниям его участника в качестве одного из основных материалов для феноменологического исследования (помимо этого есть возможность анализа литературных источников), по мнению Ларкина, предполагает задачу интерпретации и рефлексии этих высказываний (литературного произведения) [22]. В целом, действительно везде, где исследователь встречается речь, можно говорить о возможности осуществления феноменологического анализа. Однако то, о чем пишет Ларкин, это не феноменология, но именно интерпретация, рефлексия, экспертная оценка [22]. Феноменология изначально ставила иную задачу: *прояснение структуры переживаний, а также внутреннего источника, инициирующего само переживание. Феноменологическим такое исследование стало бы в том случае, если бы исследователь погрузился в само высказывание и предпринял изучение его структуры именно изнутри его порождения, изнутри его внутренней динамики.*

Как отмечает Ларкин, опыт участника интервью обычно представлен в виде вербального самоотчета, хотя он может сопровождаться и дополняться иными формами представленности данных (например, визуальная экспрессия, размышления исследователя, записанные впечатления) [22]. Отметим в свою очередь, что акценты, расставляемые М. Ларкиным, само словоупотребление автора свидетельствуют о некоторой изначальной интерпретации данных. Остается, например, за кадром, что «вербальный самоотчет» осуществляется в рамках некоторой диалогической ситуации и всегда является определенным ответом на эту ситуацию. В таком случае предполагается, что исследователь берет в качестве материала достаточно рефлексивный пласт опыта, который обычно покрывает и вытесняет непосредственное самосознание, что автоматически отдаляет его от непосредственной данности опыта. Перечисление через запятую разных типов данных указывает на операцию простого

их суммирования и добавления, что не слишком сочетается с холистичностью феноменологического метода. При так задаваемых источниках данных результатом может стать сопоставление, сравнение частных данных определенных типов опыта, например, вербального самоотчета и визуальной экспрессии. В отношении же «размышлений исследователя и записанных им отчетов» можно сказать, что это скорее вспомогательные процедуры (например, ассоциации исследователя, не имеющие в данном случае никакого феноменологического значения), нежели собственно данные.

Поскольку одним из центральных источников данных, по мнению Ларкина, является форма открытого полуструктурированного интервью, проведенного в приватной ситуации [22], то не совсем понятно, зачем называть это феноменологическим исследованием. Это и есть интервью как особый метод, в котором посредством открытых вопросов происходит некоторая экстерииоризация сознания одного из его участников, экспликация содержаний, которые улавливаются определенными вопросами или же определенной темой. Но здесь не просматривается именно феноменологический подход, применительно как к получению материала, так и к его анализу.

«Открытый разум»

Особую важность для осуществления феноменологического исследования имеет состояние «открытого разума» исследователя [22, р. 157]. Однако оно остается не слишком понятным и операционально неверифицируемым. Одно дело, когда говорится об этапе открытости разума на этапе анализа материала, и другое дело, когда речь идет об этом, когда исследователь получает материал. Хотя и в том, и в другом случае понятие «открытого разума» не операционализировано. Как показывает психотерапевтический опыт, состояние «открытого разума» — сложное состояние, неслучайно поэтому в психоанализе говорят о «вклинивающихся» феноменах переноса и контрпереноса наряду со свободным парящим вниманием аналитика. В своих исследованиях на этапе получения материала мы говорим о разных феноменологических позициях слушателя-со-рассказчика, которые уже описаны и при дальнейшей работе подвергаются специальному учету и рефлексии [5, глава 6; 6]. Также без специального уточнения неинформативно и указание на состояние открытого разума на этапе анализа материала.

Далее Ларкин пишет о том, что в феноменологической психологии исследователи стремятся к описанию и пониманию опыта и его контекстов (т. е. процессов, событий и отношений в «жизненном мире» лич-

ности) с точки зрения личности его переживающей [22, р. 157]. В данном случае сливаются воедино два методических правила: 1) стремление к описанию и пониманию опыта и его контекстов *в процессе слушания*; 2) стремление к описанию и пониманию опыта и его контекстов *в процессе анализа*. По нашему мнению, это две разные методические процедуры, которые должны быть специально разделены и контролируемы. В своей работе применительно к процессу слушания и получению материала нами разделяются характер задаваемых вопросов и в целом активности психолога наряду с уяснением особой позиции слушателя-со-рассказчика и собственно этап феноменологического анализа [5, гл. 6, 8, 9]. Необходимость осознанности первой процедуры (получение материала) и в соответствии с этим ее исполнения в процессе получения данных (в ситуации диалога) выводит исследователя в поле тех ситуаций, которые созвучны психотерапии (как слушать, каковы позиции слушателя). В отношении второй процедуры все так же непросто, необходимо обосновать сам способ анализа, а также то, почему он является феноменологическим, а не контент-анализом, классификацией, сравнительным, рефлексивным анализом и т. д.

Далее есть вопрос и в отношении «описания и понимания опыта», о котором пишет Ларкин. Непонятно, что первично: понимание или же описание? Надо предположить, что это будут концепты, располагающиеся в разном порядке при получении материала (например, понимание высказывания для развертывания говорения) и при его анализе, когда в начале может стать необходимым и возможным описание, а затем уже и понимание. Эта проблематика требует анализа и проработки. «Понимание опыта и его контекстов» также представляется не совсем ясным. Можно иметь понятие, что есть опыт и он проявляется в различных контекстах или дан нам в определенном контексте (осуществленном интервью), но можно понимать и сам опыт исключительно контекстно (что всякий опыт привязан к какому-то контексту) и т. д.

В данном случае поставленные вопросы позволяют исследовать все возможности метода, а затем в случае необходимости можно указать, что для реализации определенной конкретной задачи исследователь проигнорировал или пренебрег определенными его условиями либо возможностями. Это существенно повышает методологическое качество осуществленного исследования. Даже если идти исключительно от практических запросов, всегда важно также помнить и о рефлексии условий выполнения задачи.

Согласно Ларкину, исследователи, использующие феноменологический метод, стремятся к описанию «событий и отношений в жизненном мире личности» [22, р. 157]. Понятие «жизненный мир» разрабатывалось Э. Гуссерлем на интенциональном уровне, когда же говорится о «собы-

тиях и отношениях», то соответственно необходимо разрабатывать концепцию «внутреннего события», «внутреннего отношения» (между чем и чем); когда говорится о «личности», то соответственно важно разъяснить, в каком смысле употребляется этот термин. В противном случае определение того, с чем имеет дело исследователь, остается непонятным. С нашей точки зрения, важно более точно говорить о структуре самосознания. Это значит, что за каждым высказыванием самосознания стоит определенное Я, причем высказывания могут звучать принципиально от разных Я. Этот вывод основывается на определенном феноменологическом исследовании. На современном этапе подход Э. Гуссерля требует дальнейшего осмысления и развития, поскольку можно говорить о разных Я или Эго, типах внутренних диалогов, об их динамическом отношении (например, когда одно Я вытесняет другое и это проявляется в речи). Ларкин в лучшем случае описывает подход, который можно свети к экспертным оценкам.

В качестве основного требования к исследователю Ларкин выдвигает необходимость «находиться внутри перспективы» опыта и «вовне ее» [22, р. 157]. Но опять-таки не различаются ситуация исследования и ситуация анализа, поскольку в этом случае стоят разные задачи и разные требования рефлексии таких переходов. Например, не очень понятно, как в ходе интервью исследователь может находиться и внутри и вовне «перспективы», какие внутренние операции он должен совершить, хотя понятно, что такие колебания происходят всегда, но их трудно отследить. Кроме того, быть «вовне» перспективы довольно абстрактно, так как обычно исследователь входит в некоторую позицию, которую не всегда фиксирует. Это обычно как социальная, так и личностная позиция, и ее сложно контролировать, по крайней мере, это требует особого специального обучения. Автор же утверждает требование «находиться внутри перспективы и вовне», не спрашивая, насколько исследователь способен его реализовывать. Хотя понятно, что у разных исследователей это будет происходить по-своему. Нам представляется, что с точки зрения научного применения данного метода эту проблемную ситуацию важно фиксировать, провести эксперимент, описать необходимые позиции и дальше обучать тем позициям слушания, которые представляются наиболее адекватными [5; 6].

Далее Ларкин подчеркивает необходимость экспликации собственных предвзятостей и ценностей. Но нужно понять, какого вида они бывают и что можно с ними делать. Возникает также вопрос, может ли отношение быть безценностным и насколько? Так, например, многие аналитики считают, что такое отношение невозможно, либо должна быть сформирована определенная унифицированная установка. Дальше идет вопрос: о том, достаточно ли унифицированной интеллектуальной

установки или же она должна быть проработана еще и на эмоциональном уровне, поскольку посредством эмоций явно оказывается влияние на индивидуума? Аналогичные вопросы возникают уже и на уровне анализа материала, но здесь они ставятся несколько в ином ключе, поскольку исследователь непосредственно не воздействует на полученный материал. Здесь становится важной методика анализа, которая бы учитывала как внешнюю, так и внутреннюю точку зрения и возможности их синтеза в рамках одного исследовательского продукта.

Как отмечает Ларкин, «уникальность» исследования состоит в том, чтобы «понять опыт, как он представлен человеку» [22, р. 157]. В этом отношении важно понять, как здесь соотносятся понятия «опыт» и «представленность опыта», а также «человек». Человек живет в своем опыте, опыт — часть его. Изучая опыт, мы изучаем часть чего-то целого. Возникает и вопрос: что значит говорить о том, как опыт представлен: а) самому человеку в его жизни, как он влияет на него; б) как он с ним коммуницирует, как представляет своему слушателю-интервьюеру? Термин «уникальность» здесь не только неясен, но и неточен. Могут быть типичные виды опыта, характерный тип их представленности. Уникальность должна позиционироваться по отношению к чему-то. Или же об уникальности можно говорить тогда, когда исследователь стремится все глубже и глубже проникнуть в структуру этого опыта и его индивидуальность.

Прагматическое возражение

Самое главное наше возражение против такого понимания феноменологического исследования и, шире, близких к ним интерпретативных герменевтических качественных исследований является прежде всего прагматическим. Обычно эти исследования не предоставляют нам какой-либо новой информации. Их результаты часто дублируют уже известное. Так, феноменологический анализ «опыта» пациентов с зависимостью, который в качестве образца приводит Ларкин [22], содержит ровно то, что и так хорошо известно любому специалисту. В результате масштабного исследования делается вывод о «парадоксальной активности» аддиктов, в дальнейшем раскрываемый через охваченность желанием употреблять ПАВ даже «за пределами» той точки, где страдающий зависимостью испытывает удовольствие, а также то, что знание и идентификация негативных последствий приема ПАВ в личном опыте не приводят к действию по прекращению их употребления. И тогда спрашивается, в чем же смысл феноменологического исследования? Это в значительной мере снижает статус и саму идею феноменологического исследования, которое вводилось как оппозиция всякого рода позити-

вистским и объективирующим изысканиям. Напротив, феноменологическое изучение опыта стремится проникнуть за пределы объективизации и рационализации опыта, вскрыть его более непосредственные и живые структуры.

С нашей точки зрения, для того, чтобы сегодня говорить о доброкачественном феноменологическом или герменевтическом исследовании в психологии, необходимо опираться на критический методологический анализ всех основных существующих направлений и практик соответствующих исследований в гуманитарных науках. Другими словами, здесь необходимо учесть соответствующий опыт Э. Гуссерля и его многочисленных последователей, М. Хайдеггера, основные направления герменевтической феноменологии, диалогический подход М.М. Бахтина. Феноменологическое исследование в психологии должно именно развивать позитивные тенденции вышеназванных авторов, а не создавать какие-то промежуточные теории с целью «адаптации» этих идей к задачам эмпирической психологии. Идеи уже высказаны и проработаны, задача же состоит только в их реализации на конкретном психологическом материале.

И первым условием феноменологического исследования, с нашей точки зрения, является фиксация той социальной и диалогической ситуации, внутри которой мы получаем опыт, поскольку опыт является всегда диалогичным. Это значит, что он появляется, репрезентируется и осознается именно в конкретной социальной ситуации. И во-вторых, это означает, что наш опыт также и внутренне диалогичен, т. е. его структура представляет собой сложный многоуровневый, а часто и неоднородный диалог нашего самосознания.

Далее, феноменологическое исследование отличается от всех объективистских исследований тем, что оно стремится проникнуть за пределы объективирующего сознания. Оно ориентировано на постижение именно непосредственного и первоначального опыта, на постижение непосредственно данных самосознанию его феноменов. А это значит, что такое исследование есть всегда движение вглубь, в изначальный опыт, который и является основой для последующих его рационализаций и объективаций. Результатом такого исследования всегда является именно живой опыт и его непосредственная данность в соответствующей диалогической ситуации.

Этапы феноменологического исследования

Все это означает, что феноменологическое исследование предполагает прежде всего обращение к своему собственному опыту. Оно ориентировано, во-первых, на понимание непосредственно данных пережива-

ний этого опыта; во-вторых, на восстановление тех внутренних структур, которые инициируют соответствующие переживания — живые феномены нашего опыта. В этом отношении феноменологическое исследование по своей глубине и технике ничем не уступает психоаналитическому исследованию, которое предполагает предварительный анализ самого исследователя, а также его практику самоанализа. В этом отношении феноменологическое исследование — это исследование нашего самосознания и исследование его посредством себя, на собственном опыте. Все это является методическим условием всякого феноменологического исследования.

Первый вопрос, который нужно поставить, когда планируется феноменологические исследования опыта другого человека, это вопрос о том, что мы хотим узнать. И здесь важно понимать, что нужно таким образом выстроить наш диалог с респондентом, который бы максимально способствовал экспликации, экстерииоризации, проекции данного типа опыта. Интуитивно ясно, что нечто выразить человек может отнюдь не всегда и не в любой ситуации, так же, например, как очевидно, что индивидум не скажет первому встречному на улице о своих глубоких внутренних переживаниях, личных тайнах и т. п. Но в определенных социальных ситуациях это может случиться. Это значит, что при построении феноменологического исследования необходимо понимать как внутренне диалогическую структуру и закономерности работы человеческого самосознания, так и связанные с этой структурой возможные социальные ситуации, соответствующие им жанровые характеристики (способы выражения, образ слушателя и т. п.), по-разному легитимизированные в обществе. Важно суметь создать условия, которые способствуют самовыражению и экспликациям самосознания, его внутренне-диалогизма в специальном образом выстроенные внешние диалоги и соответствующие социальные ситуации.

В качестве примера такого исследования, ориентированного на экстерииоризацию внутреннего опыта индивидума, можно привести результаты проведенных нами исследований самосознания ребенка, [5; 6; 7]. Дело в данном случае еще в том, что на детском материале многие закономерности, особенности и условия феноменологического исследования проявляются более отчетливо. Здесь также более очевидны и проблемы, которые возникают при построении такого рода исследования: ребенка и взрослого отличают возрастные различия опыта, язык, интересы, разные структуры самосознания и пр. И задача состоит в преодолении этих расстояний. Другими словами, речь идет о том, чтобы выстроить коммуникацию таким образом, чтобы для выражения опыта ребенка образовались адекватные для этого опыта социальные формы диалога, социальные каналы для коммуникации и трансляции этого

опыта и пр. Всякое высказывание ребенка является высказыванием его самосознания, оно ориентировано на определенный образ Другого, образ слушателя, которыми исследователь может управлять, занимая различные позиции слушателя, задавая с этих позиций соответствующие вопросы и т. п.

Естественно, что такая коммуникация отличается от обычно принятых и стандартизированных интервью с их прямыми и непрямыми вопросами и ответами от различных тестовых исследований и пр. Это означает, что первая и, наверное, основная задача организации феноменологического исследования состоит именно в организации выражения внутреннего опыта. Причем эта организация выстраивается таким образом, чтобы выразился вовне, прежде всего в речевую материю, опыт наиболее непосредственный, действительно феноменологический, а затем, чтобы этот опыт так организованной коммуникации начал разворачиваться как вглубь, так и экстенсивно. Уже на детском материале видно, что данный опыт не представляет собой однородный опыт функционирования некоторого единого Я, как это полагалось у Э. Гуссерля. У детей дошкольного возраста мы часто замечаем, как детское самосознание «перескакивает» от высказывания, инициированного одним Я, к высказываниям, порожденным другим Я и т. д.¹ В этом отношении понятно, что здесь мы имеем дело не с Гуссерлевской феноменологией в чистом виде. Если исследователи позитивистской ориентации будут анализировать этот опыт, то они обнаружат здесь только простые логические противоречия, которые будут интерпретировать. В отличие от этого, мы, напротив, вслед за М.М. Бахтиным [1] и другими диалогистами, а также Э. Гуссерлем, отказываемся от идеи интерпретации. Живой опыт, непосредственное переживание, феноменологическая данность не требуют никакой интерпретации. Более того, все это чуждо интерпретативному подходу, который можно обозначить как *подход чуждого сознания*. Феномен, феноменологическая данность требуют только более глубокого понимания и восстановления внутренних способов их порождения. В детском материале широко представлены такие живые и непосредственные

¹ Приведем пример рассказа мальчика 4 лет 7 мес., в ответ на картинку, где изображены медведи, перетягивающие канат. Диалогичность высказываний ребенка, идущих из разных «мест» его самосознания, развернута вовне и не приняла еще форму внешне монологичного высказывания: «Они тянут веревку... Они дерутся (напряженно)... Нельзя!!! (резко, отрывисто)... Дерутся (с явной втянутостью в процесс и удовольствием)... Нельзя! Нельзя спорить!... Дерутся (опять включается «другое Я», испытывающее явное удовольствие от погруженности в желаемое). — П: А чем все закончится? — Никто не победит, потому что эта веревка длинная. — П: А чего же они хотят? — Подраться!!!!».

феномены, и они требуют такого же непосредственного их понимания. Например, маленькие дети могут отталкивать предлагаемую им картинку и испуганно прятаться от нее, со словами «Фу... какой страшный волк!». И если мы такого рода феномены будем только интерпретировать, то у нас закрывается возможность проникнуть по-настоящему в работу самосознания ребенка. Интерпретация в этом случае — это комментарий чужого исследовательского экспертного сознания специально обученного детского психолога, что закрывает возможность для последнего понимания и исследования. Мы говорим об этом столь подробно, поскольку на сегодняшний день это распространенная позиция приверженцев качественных исследований, активно рассуждающих об интерпретации. В их устах этот термин выглядит одновременно наукоемким и философским, обладающим почти что магическим значением. Вместе с тем в данном случае речь идет просто об экспертной оценке. Конкретизируя это применительно к детским высказываниям, рассказам, опыту и пр. можно сказать, что их интерпретирует специально обученный по отдельной программе детский психолог, с исключительно объективистских и определенным образом сформулированных рационалистических позиций. Обращение же к интерпретативной риторике, с нашей точки зрения, глубоко чуждо феноменологии, не соответствует ее сути и закрывает возможности феноменологических исследований в психологии.

Все это непосредственно относится не только к детской психике и подходам к работе с ребенком, и даже не только к клинической психологии, но задает поле возможностей, а также поле проблем применения феноменологического метода в психологии в целом. А поскольку здесь мы имеем дело с коммуникацией, внутренними и внешними диалогами самосознания, то каждый раз речь идет о специфической герменевтической феноменологии, ориентированной на работу с речевой материей. С нашей точки зрения, основы такой феноменологии заложены в работах М.М. Бахтина.

Выводы

1. Существующая тенденция сведения феноменологического исследования к традиционному интервьюированию, экспертным оценкам и другим качественным методам приводит к значительному снижению его эвристической ценности. Такая тенденция противоречит изначальной направленности феноменологии против объективаций сознания, сведения данных исследования к различного рода рационализациям и интерпретациям. Задача же феноменологии, напротив, состоит в дера-

ционализации и дезобъективации данных сознания. Эта методическая установка должна стоять в центре феноменологического исследования. Обращаясь к феноменологии, можно выявлять данные нового качества, которые нельзя получить, опираясь на традиционные методы. В этом отношении феноменологические исследования могут быть названы действительно качественными исследованиями в том смысле, что в результате их проведения появляется новое более глубокое качество понимания исследуемого внутреннего опыта (изучаемого объекта).

2. Методология феноменологических исследований нуждается в дальнейших разработках, основанных на анализе истории и последних достижениях феноменологической и герменевтической мысли. Но при этом методология феноменологического исследования должна удерживать базовое положение феноменологического метода. Для психологического исследования это означает продвижение, углубление понимания механизмов функционирования и развития самосознания. Другими словами, данные самосознания здесь артикулируются на его собственном языке, а в дальнейшем происходит разработка соответствующего опыта анализа.

3. Феноменологическая методология должна опираться на диалогическую онтологию самосознания и быть ориентированной на постижение диалогических структур самосознания. В этом отношении одним из критериев качества феноменологического исследования может стать уровень феноменологической реконструкции диалогических структур самосознания, т. е. способность исследователя за непосредственными данными самосознания выявить организующие их глубинные внутренние диалоги.

4. В феноменологической психологии важно различать и развивать феноменологию получения материала и феноменологию его анализа, которые хотя и связаны друг с другом, но требуют также самостоятельных методологических разработок и обоснований. Нужно отметить, что эта область методологических исследований остается в современной феноменологической психологии недостаточно фундированной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
3. *Бусыгина Н.П.* Методология качественных исследований в психологии. М.: Инфра-М, 2013. 304 с.
4. *Бусыгина Н.П.* Феноменологический и герменевтический подходы в качественных психологических исследованиях // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 57—65.

5. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Проективные методы: теория, практика применения к исследованию личности ребенка. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2001. 352 с.
6. Бурлакова Н.С. О новых возможностях и перспективах развития проективной методологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2008. № 4. С. 3—19.
7. Бурлакова Н.С. Циклы в развитии проективной методологии и новые возможности исследования самосознания // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 111—124.
8. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Уровни культурно-исторического анализа в клинической психологии // Вопросы психологии. 2012. № 6. С. 36—45.
9. Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Логос. 1992. № 3. С. 62—80.
10. Джендлин Юджин Т. Феноменологическая концепция vs Феноменологический метод: критический анализ работы Медарда Босса со сновидениями // Консультативная психология и психотерапия. 2009. № 2. С. 130—146.
11. Зейгарник Б.В. Патофизиология. М.: МГУ, 1986. 287 с.
12. Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Хорошилов Д.А. Историко-эпистемологический контекст развития качественных исследований в психологии. Часть I [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.05.2014).
13. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия: пер. с фр. СПб: Ювента, Наука. 1999. 602 с.
14. Рикер П. Конфликт интерпретаций: пер. с фр. М.: «Academia-Центр», «МЕДИУМ», 1995. 415 с.
15. Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 895 с.
16. Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 130—150.
17. Улановский А.М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний // Консультативная психология и психотерапия. 2009. № 2. С. 27—51.
18. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары: пер. с нем. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.
19. Холмогорова А.Б. Обострение борьбы парадигм в науках о психическом здоровье: в поисках выхода // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. Т. 24. № 4. С. 53—61.
20. Эленбергер Г. Открытие бессознательного: пер. с англ. Т. 2. СПб.: Янус, 2004. 668 с.
21. Finlay L. Debating phenomenological research methods // Phenomenology & Practice. 2009. Vol. 3 (1). P. 6—25.
22. Larkin M. Phenomenological Psychology // Qualitative research in clinical and health Psychology / P. Rohleder, A.C. Lyons (eds.). N.Y.: Palgrave Macmillian, 2015. P. 155—174.
23. Larkin M., Thompson A. Interpretative Phenomenological Analysis in Mental Health and Psychotherapy Research // Qualitative research Methods in Mental Health and Psychotherapy / D. Harper, A. Thompson (eds.). Oxford: Wiley Blackwell, 2012. P. 101—116.
24. Qualitative research in Clinical and Health Psychology / P. Rohleder, A.C. Lyons (eds.). N.Y.: Palgrave Macmillian, 2015. 330 p.

PHENOMENOLOGICAL APPROACH IN PSYCHOLOGY: MOVING TOWARDS POSITIVISM STYLE ADAPTATION OR TOWARDS DEVELOPMENT?

N.S. BURLAKOVA*,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
email naburlakova@yandex.ru

V.I. OLESHKEVICH**,

Applied Research Center for Child and Adolescent Mental Health
named after G.E. Sukhareva, Moscow, Russia, email ov-6161@mail.ru

The article provides critical analysis of phenomenological approach application in the European and American psychology. The authors describe typical misapprehensions concerning phenomenological approach and clarify its essence and goals arguing that modern psychology lacks examinations focused on the history of the phenomenological approach and on the development of phenomenological methodology. The authors controvert to M. Larkin who applies phenomenological approach in the clinical psychology and discuss the issues concerning improvement of phenomenological research quality, ways of data acquisition, fields of phenomenological approach application and position of researcher. The authors develop and present their own approach towards phenomenological research based on their previous works. This approach draws on dialogical ontology of the self-awareness and methodology of dialogue for organization of phenomenological research. We suppose such approach provides an opportunity to incorporate and to reanalyze broad historical experience connected with phenomenological research.

Keywords: phenomenological approach in psychology, qualitative research, inner experience, position of researcher.

For citation:

Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Phenomenological Approach In Psychology: Moving Towards Positivism Style Adaptation Or Towards Development? *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2017. Vol. 25, no. 1, pp. 8–27. doi: 10.17759/cpp.2017250102. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Burlakova Natalia Semenovna*, PhD in Psychology, Associate Professor, Neuro- and Pathopsychology Chair, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, email: naburlakova@yandex.ru

** *Oleshkevich Valery Ivanovich*, PhD in Philosophy, Clinical Psychologist of the Highest Category, Applied Research Center for Child and Adolescent Mental Health named after G.E. Sukhareva, Moscow, Russia, email: ov-6161@mail.ru

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Art]. Moscow: Iskusstvo, 1986. 445 p.
2. Bratus' B.S. Anomalii lichnosti [Personality Anomalies]. Moscow: Mysl', 1988. 301 p.
3. Busygina N.P. Metodologiya kachestvennykh issledovaniy v psikhologii [Methodology of Qualitative Research in Psychology]. Moscow: Infra-M, 2013. 304 p.
4. Busygina N.P. Fenomenologicheskii i germenevticheskii podkhody v kachestvennykh psikhologicheskikh issledovaniyakh [Phenomenological and Hermeneutic Approaches in Qualitative Psychological Research]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical Psychology], 2009, no. 1, pp. 57–65. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Proektivnye metody: teoriya, praktika primeneniya k issledovaniyu lichnosti rebenka [Projective Techniques: Theory, Practical Application to the investigation of the child's personality]. Moscow: In-t obshchegumanitarnykh issled., 2001. 352 p.
6. Burlakova N.S. O novykh vozmozhnostyakh i perspektivakh razvitiya proektivnoi metodologii. [New possibilities and prospects of Development of Projective Study]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology], 2008, no. 4, pp. 3–19.
7. Burlakova N.S. Tsikly v razvitiy proektivnoi metodologii i novye vozmozhnosti issledovaniya samosoznaniya [Developmental Cycles of Projective Methodology and New Possibilities for Self-Awareness Research]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economy], 2012. Vol. 9, no. 4, pp. 111–124.
8. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Urovni kul'turno-istoricheskogo analiza v klinicheskoi psikhologii [Levels of Cultural-Historical Analysis in Clinical Psychology]. *Voprosy Psikhologii* [Voprosy Psikhologii], 2012, no. 6, pp. 36–45.
9. Gusserl' E. Amsterdamskie doklady [Amsterdam Lectures]. *Logos* [Logos], 1992, no. 3, pp. 62–80. (In Russ.).
10. Gendlin E.T. Fenomenologicheskaya kontseptsiya vs Fenomenologicheskii metod: kriticheskii analiz raboty Medarda Bossa so snovideniyami [Phenomenological concept versus phenomenological method: A critique of Medard Boss on dreams]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2009, no. 2, pp. 130–146.
11. Zeigarnik B.V. Patopsikhologiya [Pathopsychology]. Moscow: MGU, 1986. 287 p.
12. Mel'nikova O.T., Krichevets A.N., Khoroshilov D.A. Istoriko-epistemologicheskii kontekst razvitiya kachestvennykh issledovaniy v psikhologii. Chast' 1. [Historical and Epistemological Context of Qualitative Research Development in Psychology. Part 1] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research], 2013. Vol. 6, no. 32, p. 1. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed: 10.05.2014).
13. Merleau-Ponty M. Fenomenologiya vospriyatiya [Phenomenology of Perception]. Saint Petersburg: Yuventa, Nauka, 1999. 602 p. (In Russ.).
14. Ricoeur P. Konflikt interpretatsii [Interpretation Conflict]. Moscow: «Academia-Tsentr», «MEDIUM», 1995. 415 p.
15. Sokolova E.T. Klinicheskaya psikhologiya utraty Ya [Clinical Psychology of Ego-loss]. Moscow: Smysl, 2015. 895 p.

16. Ulanovskii A.M. Fenomenologicheskii metod v psikhologii, psikhiiatrii i psikhoterapii [Phenomenological Method in Psychology, Psychiatry and Psychotherapy]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology]. 2007. Vol. 2, no. 1, pp. 130—150.
17. Ulanovskii A.M. Fenomenologiya v psikhologii i psikhoterapii: proyasnienie neotchettlivykh perezhivaniy [Phenomenology in Psychology and Psychotherapy: Clarification of unclear feelings]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2009, no. 2, pp. 27—51.
18. Heidegger M. Tsollikonovskie seminary [Zollikon Seminars]. Vil'nyus: EGU, 2012. 406 p. (In Russ.).
19. Kholmogorova A.B. Obostrenie bor'by paradigm v naukakh o psikhicheskom zdorov'e: v poiskakh vykhoda [Clash of Paradigms in Mental Health Sciences: in Search of a Way out]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiiatriya* [Social and Clinical Psychiatry], 2014. Vol. 24, no. 4, pp. 53—61.
20. Ellenberger G. Otkrytie bessoznatel'nogo. T 2 [Discovery of the Unconscious. Volume 2]. Saint Petersburg: Yanus, 2004. 668 p. (In Russ.).
21. Finlay L. Debating phenomenological research methods. *Phenomenology & Practice*, 2009. Vol. 3 (1), pp. 6—25.
22. Larkin M. Phenomenological Psychology. Qualitative research in clinical and health Psychology. Ed. by P. Rohleder, A.C. Lyons. N.Y.: Palgrave Macmillian, 2015, pp. 155—174.
23. Larkin M., Thompson A. Interpretative Phenomenological Analysis in Mental Health and Psychotherapy Research. In D. Harper, A. Thompson (eds.) Qualitative research Methods in Mental Health and Psychotherapy. Oxford: Wiley Blackwell, 2012, pp. 101—116.
24. Qualitative research in clinical and health Psychology. Ed. by P. Rohleder, A.C. Lyons. N.Y.: Palgrave Macmillian, 2015. 330 p.